

Спектакли жизненной правды

Н гастролям Театра имени М. Н. Ермоловой

Тот большой интерес, который вызывает у ленинградцев лучшие спектакли Московского театра имени М. Н. Ермоловой, объясняется прежде всего стремлением этого театра активно включиться в оживляющую жизнь, показать ее со всеми ее перипетиями движения вперед, ответить на те вопросы, которые волнуют зрителей.

Поспешает ли театр свои спектакли благородной задаче изображения нового человека — деятельного строителя коммунизма, не лиризм ли свой беспощадный скуп как старый миром или защищает права человека, попутными аллюзиями капиталистического общества, он не может оставаться равнодушным созерцателем жизни. Его голос, пропущенный лабиринт любви к человеку, должен звучать смело, решительно, страстно.

Именно этот гражданский пафос, творческое отнoшение к теме, тяготеющие к большой жизненной правде волнует такие различные по своему содержанию спектакли, как высокоинтеллектуальный зрелищный «Пушкин» А. Глобы, как «Дачники» М. Горького и «Счастье» Н. Павленко и С. Радинского по роману Н. Павленко. Эти изобильные и значительные спектакли являются как бы творческим паспорт театральное коллектива.

В спектакле «Дачники» коллектив ермоловского театра показывает ничтожество, пшпизм, эгоизм психологии обывателя России января 1906 года. Театр беспощадно уничтожает спрятанных в кусты трусливых, злобоступных мешков.

Обыденный тон спускается падающим утверждением горьковского мисси: человек эти звучит горло, когда театр в спектакле «Счастье» показывает потонувшую зверюшку духа и творческое отношение к труду наших современников, замечательных героев наших будней.

Один спектакль остро и гневно разоблачает жалкое существование аккуратных дачных домиков, скрывающих в уютном

свете пыльных обжуров выставленные лупонки трусливых обывателей. Другой страстно и убежденно показывает, как вдохновенно трудятся люди, возрождающие жизнь на опустевших развалинах, сию не остывших плетей вражеского нашествия.

Один спектакль говорит о необходимости борьбы с позлыми тунейнами, оскорбляющими землю своим существованием. Другой — менее горячо — утверждает торжество созидательного труда. Один задает нас певцом и неспешно. Другой — восхитительной и любовью. Но оба спектакля наполняют верой в человека, уважением к его творческому труду. Оба показывают полную жизнь в ее движении, столетиев — и борьбе.

Уютная лача адвоката Басова становится в спектакле «Дачники» адовой борьбы между этими «дачниками в своей стране» и теми честными интеллигентами, которые тянулись к шару и — в конце концов — пришли к нему. Четкий барьер выдвигает в спектакле два праждебных мира. По одну сторону этого барьера мы видим бааторную, внешне скромную Варвару Басову, какой ее играет М. Волкова. Еще в первых актах спектакля, по тому, как ищущие заглядывают она в глаза каждого человека, как хорошо и сосредоточено думает во время пауз, как внимательно прислушивается к чужим словам, чувствуется сложный процесс ее духовного становления. И когда в финале спектакля она обобщает: «Иначе — индентия — это не мы! Мы что-то другое... Мы — дачники в нашей стране... Мы ничего не делаем и отвратительно много говорим» — становится ясно, что она уже познала и со своим мужем и со всеми его единомышленниками.

Ее будущее мы узнаем в честной, прямой, чистой тужении Мары Львовне (ее ярко, без единой фальшивой ноты играет Э. Кирпилова) и, особенно, в молодом, горячем, страстном искателе истины Власе.

Истине, жаль, что молодой актер А. Игнатьев, играющий эту роль, создает внешне убедительный облик неуклюжего и толстого юности, но не расширяет сложного богатства души человека, которого автор пазелки самой активной утверждающей силой.

По другую сторону барьера стоят в спектакле поппики, мягкие илыпы и развратники. Благообразный облик протывающего адвоката (его играет Л. Галлиц) не может прикрыть его являющей духовной пустоты. Дает чью заметных пшпизма, когда актер отмахивается от попытки серьезного разговора с женой, когда небрежно, жестом яркого, призывного к улаче, сует в карман говорар, поученный от темных махинаций, — и маэса сорвана.

Возмущенно и едко обобщает Ф. Борчагин нищенский дух писателя Шалогова, вобитого пошера, не любящего ни искусство, ни людей, ничто в жизни, кроме самого себя. Так же беспощадно разоблачается пшпизм Калория в исполнении Е. Еленовича. Зербо кутается в шаль, не отрывая глаза, потусторонним голосом произносит ова свои тужания, икечичные фразы о смысле жизни. Но первое столкновение с Власом — и язвительная итотация соавторской — меньшая обобщает ее истинную нривбу.

Превосходен яркий портрет доктора Духова, созданный С. Гупанским. Под нерпидливой внешностью провинциального чудака, рассеянного заика угадывается боль человека, не нашедшего своей судьбы, растраченного жар души на драмы с женой, на борьбу с уездным пачальством и неважннсто опустившегося до уровня обывателя.

Все эти образы задуманы и воплощены театром в полном соответствии с идеей спектакля. Но стоит хоть немного отступить от правды изображения, и страстный облик возмущающего мешканца утрачивает остроту сатиры, превращая ее в карикатуру, лишившую идейного смысла. Так происходит в спектакле с образом Римина, который в исполнении Н. Шинкова выглядит волевыми персонажем. Так происходит с В. Лекаревым, когда в третьем акте он подменяет раскрытие страстной психологии своего героя — инженера Суслова — передачей чисто физиологического опыта.

Эти детали тем более обидны, что спектакль с его смелыми миссиями и острыми выпуклыми характеристиками (постановка А. Лобанова) возмущающе передает атмосферу борьбы, происходящей в рядах русской интеллигенции в те дни, когда в России зрели революционные события 1905 года.

Опущение сложной, напряженной борьбы возникает, как только открывается завес спектакля «Счастье», поставленного режиссером В. Домосаревским (руководитель постановки А. Лобанов). Утром нависли сыпичные облака над синими морем. Троекратно и глухо шумят волны. Тяжелые глыбы камней неспешно торчат на дорте, по которой прохладит усталые переселенцы.

Театр ничем не украсил суровой правды тех дней, когда на советской земле, освобожденной победоносной Советской Армией, возрождались мирная жизнь. Театр показывал, как утомленные войной люди в коллестивной борьбе за завтрашний день своей страны обретают подлинное счастье.

Индивидуальные характеры людей, строящих свое большое счастье, воплощены театром бережно и любовно. Правдивая атмосфера спектакля передает не только конкретные поступки героев, но как бы возмущает их биографии, их современная миссия, словом, ту жизнь человеческого туза, который требовал от исполнителей К. С. Станиславский. Чем проще и естественнее спешившее поведение героев, чем органичнее и глубже их общение друг с другом, тем убедительнее претерпевает каждый человек в его неповторимой индивидуальности. В превосходном ансамбле спектакля «Счастье» больше всего радует это умение загнать в индивидуальность человека, живущего рядом с нами. Поэтому вызывает протест Д. Фисейский, жертвующий правдой образа Горюхова ради стремления во что бы то стало смешать оригинала.

Роль пчловницы Воропаева играет И. Соколов. В первой картине герою дано всего несколько слов. Но выразительная фигура подтанутого человека в шинели, с косяком на фоне синевенного пейзажа склад, соловые вехи, плотно сжатые губы и пропитательный взгляд глубоко посаженных глаз говорят о мужестве и силе характера.

Воропаев в исполнении Соловьева — это талантливый организатор, умеющий объединять и направлять волю коллектива, пламенный болашеник с детским чистым сердцем, прнрожденный боец за человеческое счастье. Все привнесает в этот облик: и взгляд, проникающий до дна души собеседника, и застенчивая улыбка, и веселый вжор, и пернство чувств.

Предельного напряжения достигает спектакль в сцене, когда Воропаев рассказывает о своей встрече с товарищем Сталиным. Пова актера проста и естественна. Ни одной патетической интонации нет в его голосе. Но ведь он словно преображен, словно освещен напуги этой встречи. И его вытупенная благороткая изволнованность, перадается всем его слушателям, самоотверженный труд которых отмечен среди больших государственных дел великий рождь прогрессивного человечества.

Вот они стоят, люди стагичного племени: мужественный болашеник со широким сердцем Воропаев, смелая, острая на язык, ласковая и властная хозяйка на своей земле колхозница Воропаева Огариова, орая работящая сопча и залупенце, с жинкнотверждающей силой создает Э. Кирпилова, требовательная к себе и внимательная к другим, пленительная в своей строгой чистоте дева Журино в прнрожденном исполнении юной актрисы И. Киселевой — обыкновенные люди нашей страны, строители мирного счастья. Когда-то Горький высказал пожелание, чтобы на сцене действительный герой, рожденные «с солцем в крови». В героях спектакля «Счастье» мы узнаем этих людей с солцием в крови, жнких людей нашей действительности, возмущающих театром жарко и изволнованно.

Спектакли ермоловского театра говорят о высокой иейности этого коллектива, о его растущем художественном мастерстве. Ермоловцы восприимчивы в Москву. Хотелось показать, чтобы в следующем приезде в наш город они показывали новые спектакли, посвященные нашим дням, расширяющие душевный мир людей, сегозипных строителей коммунизма, с той глубиной, с той реалистической силой, с тем современным отношением к жизни героя, которые характеризуют лучшие работы этого театра.

Р. БЕНЬЯШ